

ПРОЛОГ

Крошечная капля воды, родившаяся где-то очень высоко в небе, начала свой путь к земле. Она могла бы напитать собой грунт и дать силы слабому ростку или же присоединиться к миллионам других капель в бурлящей реке, но не в этот день. То ли по законам физики, то ли в соответствии с высшей волей этой капле было суждено смешаться с микроскопическими частичками пыли и стать маленьким чудом — невообразимо сложным и удивительно прекрасным кристаллом льда.

Вместе со своими подружками легчайшая снежинка устремилась вниз в завораживающе-прекрасном танце-падении. Да только жаль, что этот танец имел отнюдь не самый поэтичный финал.

Стражник чихнул и недовольно стер влагу, образующуюся от снега, постоянно тающего на его покрасневшем лице. Он в сотый раз проклял того, кто придумал настолько неудобный шлем: летом в нем жарко, а зимой снег постоянно норовит залепить лицо. И все же основной причиной его страданий была отнюдь не конструкция шлема или прощальный снегопад уходящей зимы и тем более не маленькие снежинки на носу — стражник буквально умирал от жуткого похмелья.

В это самое время он должен был отсыпаться после вчерашней попойки, а не торчать на облепленной пятнами снега серой стене, но судьба распорядилась иначе. «Понесла же нелегкая эту чокнутую императрицу в гости к разродившейся первенцем герцогине!»

Судьбы высших сановников империи страдающего наемника не волновали, а вот то, что барон отправил на перехват императорского кортежа тех, кто должен был заступить на охрану стен, отразилось на жизни похмельного постового самым неприятным образом.

Наемник в очередной раз горестно вздохнул и подошел к краю стены. Смотреть там было не на что — солнечные лучи сверкали на снегу, не оставляя без своего внимания ни единого уголка огромной поляны вокруг баронского замка. Несмотря на бессмысленность этой затеи, стражник все же окинул взглядом окрестности и сделал это отнюдь не в порыве профессионального энтузиазма, а потому что только так можно было перебороть страшное желание закрыть глаза и уснуть.

Звонкий щелчок, казалось, заполнил весь мир вокруг стражника, и в следующий миг все его похмельные проблемы остались в прошлом, вместе с жизнью: короткий арбалетный болт легко пробил действительно низкосортный металл шлема и засел в голове наемника по самое оперение.

Через несколько секунд между зубцами крепостной стены появился очень колоритный, особенно в этих краях, персонаж, сжимающий в руках конец длинной жерди. Останься в наемнике хоть капля жизни, он бы наверняка очень удивился подобному явлению. Крайний пират на севере империи, безумно далеко от теплого моря, смотрелся на заснеженной стене, как степняк-хтар на борту пиратской шхуны, — дико и неестественно.

Абсурд стал масштабнее, когда на стену тем же способом «взбежали» еще два десятка кронайцев. Это были именно они: никакие темные форменные полушубки имперской тайной канцелярии и мохнатые шапки не могли скрыть шикарных бакенбард и «утиной» походки настоящих моряков. К тому же каждый кронаец «украсил» свою форму цветастыми платочками, оборочками и вставками — истребить у этого народа страсть ко всему яркому было невозможно априори.

— Бодар, твой десяток прикрывает нам спину и контро-

лирует двор. Лабра, ты ведешь своих за мной, — тихо прошептал командир отряда, появившийся на этой стене первым. Невысокого роста, но плотный и оттого практически квадратный, кронаец махнул рукой и резким движением обнажил шпагу.

Штурмовики взобрались по самому низкому участку стены, поэтому до надвратной башни было довольно далеко. К тому же Карна смущало практически полное отсутствие стражи на стенах — не брать же в расчет этого идиота с болтом в непутевой голове.

Опасения опасениями, но время утекало, как вода за бортом, и если не начать сейчас, то Лован и, что намного хуже, граф будут недовольны.

Растянувшись цепочкой, десять пиратов за минуту добежали до входа в надвратную башню и остановились возле массивной двери, закрывавшей выход из каменного строения на стену. Дверь оказалась незапертой, что лишь добавило подозрительному кронайцу настороженности. Короткий кивок командира — и два пирата ловко забросили «кошки» с канатами на верхушку надвратной башни, а затем буквально побежали по стене со стороны двора.

С тыльной части башня имела два окна, и, несмотря на недостаточную ширину даже для ловких кронайцев, проемы окон вполне подходили для нужд метких арбалетчиков.

Крики и стоны, прозвучавшие в ответ на тихие щелчки арбалетов, говорили о том, что их все же ждали. Это же подтвердил звук колокола над башней, оповестивший весь замок о приходе врага.

— Проклятье, — злобно ругнулся Карн и кивком подал знак подчиненному.

Худощавый пират рывком открыл дверь, и командир абордажной команды нырнул головой вперед, перекатом перемещаясь внутрь башни. Над ним тут же пролетел толстый арбалетный болт.

Выход из переката завершился выпадом в живот стражника, с трудом удерживающего на весу осадный арбалет. Острый кончик шпаги нашел в звеньях кольчуги необходимый участок, а сила выпада позволила острой кромке

разрезать несколько соседних звеньев, и клинок глубоко вошел в плоть, пронзая многострадальную печень. Обрат-но шпага вышла намного легче, увлекая за собой небольшо-шой фонтан темной крови.

В помещении с большим воротом, предназначенным для подъема массивной решетки, дежурил полный десяток стражников, половина которых должна была находиться на стенах. После стремительной атаки пиратов в живых осталось семеро. Через несколько секунд полегли еще шесть стражников, и Карну «на закуску» остался лишь де-сятник, отсочивший за деревянную конструкцию подь-емника.

Огромный ворот с длинными ручками и системой бло-ков примыкал к задней стене помещения, так что десятни-ку нужно было защищать лишь пространство перед собой, не беспокоясь об угрозе со спины. Матерый мечник при-крылся щитом и явно собирался разменять свою жизнь на парочку вражеских. Можно было достать его из арбалета, но время поджимало.

Карн не стал лезть на рожон. Легкий прыжок заставил тело, с детства привыкшее бегать по такелажу и реям, лег-ко взлететь на подъемный механизм. Противник этого не ожидал, потому успел лишь развернуть щит, но слишком поздно. Узкое жало тяжелой шпаги скользнуло по верхней кромке щита, впившись в глазницу стражника.

Через секунду почти вся команда пиратов дружно нале-гала на длинные ручки ворота.

Первыми в увеличивающийся зазор под оцетинившей-ся остриями тяжелой решеткой нырнула десятка гвардей-ских легионеров в черных «рельефных» панцирях, и уже следом, чуть пригнувшись, прошел центурион Лован. Ста-тус немого воина в империи сильно изменился. Он вер-нулся на родину и даже сохранил старое звание, но по-прежнему остался чужим и легиону, и империи. На данный момент он выполнял функции посредника между тайной канцелярией и гвардией, поэтому не мог бездумно лезть в бой.

Лован посмотрел вверх и с завистью увидел ухмыляю-

щегося Карна, который, в отличие от центуриона, по-прежнему в деле и всю веселится со своей «абордажной командой».

Короткий жест из арсенала легионерского языка знаков заставил следовавших за центурионом четыре десятка гвардейцев рассыпаться по большому двору перед донжоном. Легионеры моментально взяли под контроль выходы как из основного здания, так и из всех подсобных помещений.

Те немногие защитники замка, которые появились на заснеженной площадке перед входом в донжон, практически не оказывали сопротивления. С одной стороны, все понятно — основная сила гарнизона ушла на перехват кортежа императрицы, но все же центуриона терзало смутное беспокойство и ощущение какого-то дежавю.

Впрочем, приказ все равно нужно выполнять. Следующий жест отправил пять десятков под командованием тираха вперед. Легионеры разбили на небольшие группы и вломились во все двери разом.

Через минуту часть легионеров, проверив подсобные помещения, прошла в вывороченные двери донжона следом за основной группой.

Последний десяток был остановлен свистком центуриона и бегом направился к хмурившемуся куратору.

Появление во дворе кареты с императорским гербом только усилило недобрые предчувствия Лована, а через секунду его параноя получила вещественные подтверждения. Два подозрительно светлых участка стены донжона рухнули, и из провалов хлынула толпа воинов числом не менее сотни.

Лован судорожно сглотнул. Даже если из донжона вернуться все легионеры, их все равно будет слишком мало. Теперь центурион вспомнил: нечто подобное он уже видел, когда вместе с Ваном штурмовал резиденцию военного советника в Пакинае. Тогда они отбились, а вот сейчас шансы достойно ответить на уловку горцев таяли, как снег под весенним солнцем.

Когда рухнула фальшивая стена, начальник тайной

канцелярии империи граф Гвиери лишь улыбнулся: «Что ж, этого следовало ожидать: против меня выступает серьезный игрок».

После короткого кивка один из пары телохранителей в черной форме тайной канцелярии дунул в свисток. И тут же поменял сигнальный инструмент на инструмент смерти — короткий и узкий меч.

Десяток легионеров под руководством Лована оттеснил графа с телохранителями и невысокую фигурку беременной женщины к стене, прикрывая их щитами, а сверху, как груши с дерева, посыпались бойцы «абордажной команды». Но все эти ухищрения казались напрасными. Толпа орущих воинов, основную часть которой составляли горцы из Свободных Королевств, могла растерзать эту хлипкую оборону в одну секунду. Тот, кто играл против графа, мог гордиться своим умом, но он все же не дотягивал до уровня начальника тайной службы безопасности императрицы Лары.

Не успели первые удары посыпаться на поднятые щиты легионеров, как во двор через открытую арку влетела стальная масса десяти рыцарей, вслед за нею хлынул кольчужный поток конных оруженосцев. Мало того, на стене как грибы после дождя начали вырастать мехово-кольчужные силуэты. Огромные «медведи» сделали по выстрелу из арбалетов и тут же скользнули по канатам вниз.

Бой закончился за пару минут — горцев буквально размазали по вымощенному камнем двору. Схватка моментально переместилась внутрь донжона, откуда с верхних этажей навстречу отступающим горцам ударили легионеры передового отряда.

Гвиери удовлетворенно улыбнулся, перевел взгляд на беременную женщину и тут же кисло поморщился, увидев торчащий из большого живота арбалетный болт.

— Яна, почему ты не вытащила эту гадость?

— Простите, ваша милость, просто хотелось сохранить его, чтобы воткнуть стреляющему по беременным женщинам скоту в...

— Прекратите ругаться, баронесса. — Гвиери улыбнул-

ся, но все же не дал хтарке озвучить свою мысль до конца. — Думаю, того, кто так лихо попадает с дерева в окно кареты, наши «медведи» уже сбили, как шишку, и затоптали.

Яна, совсем недавно ставшая баронессой Рошаль, лишь фыркнула в ответ, но болт из фальшивого живота выдернула и тут же решительным шагом направилась в сторону донжона в поисках места, где можно «пристроить» этот метательный снаряд.

Граф же остался у стены, обдумывая сложившуюся ситуацию. Хозяин этого замка был человеком не особо умным и, что самое главное, не таким уж богатым, значит, за ним стоит тот, кто имеет деньги для найма сотни горцев и мозги для воплощения сложной аферы. Легенда о том, что старик хотел отомстить за погибшего при захвате императорского дворца сына, трещала по швам. Возможно, удастся узнать хоть что-то от пленников, но, судя по размаху операции, шанс был мизерным. Граф в очередной раз пожалел, что потерял такой мощный инструмент, как «камень душ». Поиски профессора Ургена и беглого «джинна» из иного мира до сих пор так ничего и не дали. А как бы все было просто — подсаживай душу иномирянина в тело бунтаря и получай готовые ответы.

С некоторой ностальгией граф вспомнил свой великий триумф, начавшийся с первого вселения Вана в тело мощенника и закончившийся женитьбой «одержимого» тем же Ваном императора на Ларе и ее восшествием на престол.

Душа погибшего в далеком мире человека по имени Ван, или, как он сам себя называл — Иван, оказалась необычайно полезной. «Джинн» был умен и находчив, он сумел сохранить рассудок и выдержку и в теле пирата, и в теле генерала, он даже умудрился обуздать плоть нелюди дари. Впрочем, именно благодаря этой находчивости Ван сумел улизнуть от графа и получить свободу.

Воспоминания графа прервал голос Яны, выглянувшей из окна второго этажа донжона:

— Ваша милость, вам стоит взглянуть на это самому. — Голос девушки не предвещал ничего хорошего.

В том, что ситуация действительно чрезвычайная, граф убедился, посмотрев на пол большой комнаты в северной части донжона. Выстеленная досками поверхность была завалена трупами защитников, но лишь одно тело буквально приковывало к себе взгляд. Раскинув руки, у стены лежал вроде человек, но более внимательный взгляд выделял странную форму носа, когти на руках и серую кожу на костлявом лице.

— Тухлая каракатица! — озвучил мысли графа появившийся в комнате Карн.

Вид тела дари напоминал графу о том, что незначительным бунтом это дело не ограничится. Нелюди играли только по-крупному, и впереди империю ждут серьезные потрясения.

Желание найти беглого Вана и задать ему пару вопросов стало еще сильнее — ведь граф уже давно понял, что после нахождения в теле одного из собратьев лежащего у стены трупа «джинн» рассказал своим эксплуататорам далеко не все.

— И где же его найти? — невольно произнес вслух граф, что не укрылось от чуткого слуха пирата.

— Я бы тоже хотел знать, где эта тварь, — злобно прошипел Карн, в очередной раз удивляя графа непонятно откуда взявшейся ненавистью к иномирянину.

Глава 1 СТЕПНОЙ БАРОН

Зима в степи — это нечто непередаваемое: кажется, будто во вселенной нет ничего, кроме чуть выцветшего неба и белоснежной, слегка собранной складками холмов огромной скатерти степи. Даже иногда попадавшие рощи не делали эту картину менее сказочной — природа словно выткала тонкие кружева, выстирала их и выбелила, а затем развесила сушиться на ветвях. Тех самых ветвях, которые в конце лета радовали своим богатством, а в финале осенней поры вызывали жалость, потеряв все золото листы.

А вот зимой для печали места не оставалось, лишь звенящая пустота, которая вызывала в душе желание бежать за горизонт, навстречу неведомому чуду. Живя в городе, даже таком небольшом, как Таганрог, я был лишен этой чистоты и безграничности. Городской снег всегда выглядел грязной и жалкой побирушкой, а не всемогущим седым исполином, царившим в этом мире, который никогда не знал копоты заводов и яда бытовой химии.

В этом мире мне нравилось все: и природа, и люди, и даже случайно доставшееся тело. Юный барон Герд Маран не был ни силачом, ни красавцем, но все недостатки с лихвой восполнялись бушующей в крови юноши молодой энергией и острым восприятием окружающего мира. С вызванной гормонами щенячьей радостью иногда даже приходилось бороться, что удавалось далеко не всегда. Впрочем, вновь делать детские глупости и ошибаться все равно было приятно — ведь не нужно никого опасаться и можно жить так, как мне того хочется.

Очередной приступ восторга заставил меня ткнуть пятками в мохнатые бока Черныша. Невысокий, но прекрасно сложенный конь почувствовал порыв седока и, развивая неплохую скорость, рванул вперед, несмотря на довольно глубокий снег. Это было прекрасное животное, унаследовавшее красоту и силу рыцарской породы с юга империи и выносливость хтарских лошадок, которых не смущали ни бескрайность степи, ни снег по колено. Именно на таких степных лошадаках ехала вся моя «свита». В крови этих лошадей не было благородной примеси, поэтому они и отстали.

Охто недовольно прикрикнул на свою лохматую «малышку». Удивительно, но хтарская кобылка, всегда казавшаяся тихоней, прибавила в скорости, да так, что обогнала четверку «казаков». Конечно, ширококостный бородач Курат и его подчиненные не родились казаками, они принадлежали к своеобразной субкультуре «вольных» — сборной солянке разных народностей, осевших на степной границе империи, — но мне захотелось называть их именно так, и ребятам это слово понравилось. Так что теперь в мире, очень далеко от берегов Дона, Кубани и Днепра, по степи гуляли казаки.

И старый хтар Охто, и Курат достались мне в наследство от родителей Герда. Я не помнил тех, кто подарил жизнь моему новому телу, и искренне сожалел, что не смог позаботиться о них в старости. Когда мы с профессором Ургеном явились в поместье Маран, там оставались лишь дородная управительница Никора, старый лекарь-ветеринар хтар Охто и бывший предводитель баронской дружины Курат, который как раз пытался не допустить кредиторов старого барона к грустно понурившемуся коньку, впоследствии названному Чернышом.

Мое вмешательство расставило все по своим местам — представитель соседа-барона получил вместо коня три серебряных империала долга и в морду от Курата. К слову, гибрид рыцарского тяжеловоза и степной лошади стоил около трех золотых.

Затем последовала пропитанная недоверием встреча

юного барона, которая завершилась решительными действиями домоправительницы. Никора, когда-то качавшая наследника на собственных руках, решительно задрала мне рубаху, посчитала родинки и потеряла наслонявленным пальцем родимое пятно на лопатке, а затем, заливаясь слезами, повисла на шее у «деточки», которого не видела больше пяти лет. В общем, соплей в тот день хватило.

И вот теперь я — полноправный барон и занимаюсь самым что ни на есть дворянским развлечением — охотой. Вообще-то назвать это действие развлечением довольно трудно — несмотря на прекраснейшую картинку окружающего мира, глубокий снег вкупе с пронзительным ветром делали это занятие утомительным, но мои новые подданные хотели есть, а купленные осенью припасы подходили к концу. Нет, деньги еще оставались, но в конце зимы купить в этих краях продукты было практически невозможно. Так что охота не охота, а ехать надо, и искали мы не кого-нибудь, а местный аналог зубра. По крайней мере, так я понял из рассказов мастера на все руки хтара Охто. Дядька был более чем колоритным персонажем — полтора метра «в прыжке», сморщенный, как изюм, старикан хитро смотрел на мир раскосыми глазами, словно намекая, что знает ответы на все вопросы, да только не станет на них отвечать. Как он попал к старому барону, было непонятно, но из степи старик принес кучку умений — он и ветеринар, и охотник, и скорняк, даже роды принимал, когда это было нужно.

То, что я не совсем правильно понял слова Отха, стало вырисовываться вместе с нагромождением коричневых комков на волнистом горизонте. Зубры оказались не совсем зубрами, особенно если присмотреться к вышедшему нам навстречу экземпляру. Стало сразу понятно, почему Курат недоволен поморщился, когда Охто в красках рассказывал, насколько увлекательной будет охота на «зубров». Предводитель стада в принципе имел внешнее сходство с зубром или, в американском варианте, бизоном, но если обитатели прерий весили где-то до тонны, то это чу-

довище наверняка потянет не меньше чем на двадцать центнеров. Или мне так показалось от страха?

Да уж, неприятно это ощущать, но вместе со свободой и постоянным телом, которое можно потерять в любую минуту, причем без замены, я получил страх. Конечно, страх был не таким, как в земной жизни, но все равно чувство очень неприятное.

Кроме веса и тяжелого характера, местный бычок явно отличался от земных родственников более длинными рогами. Этот факт и то, что мои потуги в овладении местным луком оставляли желать лучшего, вызывали желание развернуть лошадку и дать деру. Судя по тому, как Черныш затоптался на месте, он полностью разделял мои мысли. Но, увы, теперь я барон и на меня смотрят мои люди.

Ладно, зимние месяцы все же не прошли бесцельно, и я хоть что-то да умею. Составной хтарский лук легко вышел из специального отделения в колчане. Из соседнего кармашка я достал стрелу и, как учил Курат, привстал в стреленах. Сочленения разных пластин слегка скрипнули под кожаной обмоткой короткого и круторогого лука, а оперение стрелы защекотало щеку. Тетива тренькнула и хлопнула по левому рукаву короткой куртки. Полета стрелы я не увидел, но попал точно, потому что зубр возмущенно хрюкнул, подпрыгнул и рванул вперед с целеустремленностью скоростного поезда.

— Хозяин, поспешать тебе надо, — выкрикнул Охто, объезжая меня по кругу и делая на скаку два выстрела.

Закончив объезд, хтар, не дожидаясь своего господина, унесся в обратном направлении. Черныш в этой ситуации соображал быстрее своего седока, поэтому без команды развернулся и поскакал подальше от взбешенного быка. Три стрелы в толстой шкуре отнюдь не испугали обладателя огромной туши и скверного характера, даже добавили ярости, что сказалось также и на скорости.

Испугаться окончательно я не успел, так как через пару минут понял, что догнать Черныша быку не суждено. Даже коротконогие лошадки хтара и казаков спокойно держали дистанцию.

Очевидно, что суть охоты не могла заключаться в убега-нии от быка — хтар и казаки на скаку посылали стрелы за спину, причем Охто делал это в два раза быстрее остальных. Минут через пять я неожиданно заметил, что не просто возглавляю «отступление», но и вообще остался в одиночестве. Взгляд за спину показал, что мои подчиненные стоят на месте, вгоняя стрелы в замершего чуть дальше быка.

Принять участия в этом «расстреле» мне не удалось — как только Черныш доскакал до основной группы, бык рванул прочь от нас, и, что удивительно, явно не в сторону стада.

Всю осень и зиму у меня было достаточно и своих забот, так что на охоту ездить не удавалось, поэтому смысл происходящего доходил до меня с трудом. Мои подданные с поучениями не лезли, а я, идиот, спросить не удосужился. И только теперь начал понимать, что быка берут измором, а он, в свою очередь, роняя на снег капли крови, старается увести охотников от стада.

Подобное благородство вызывало уважение и соответственно сочувствие к этому сильному животному, но ничего не поделаешь — не я распределял места в пищевой цепочке этого мира.

Бык остановился километра через два. В погоню он шел по нашим следам — пятерка лошадей пробивала снежную целину, облегчая преследователю путь, — теперь же ему приходилось ломать наст самому. Да и раны уже дали о себе знать.

Как ни странно, Охто остановил свою лошадку далеко от вставшего столбом зверя и даже затормозил меня:

— Хозяин, нужно мало ждать.

— Почему?

— Зверь много хитрый, хозяин. Нужно ждать, — упрямо мотнул головой хтар, и бородатый Курат не стал ему возражать.

Ну что ж, ждать так ждать.

Сколько в подобных случаях выжидали опытные охотники, выяснить так и не удалось — в отдалении слышал-

ся вой, заставивший дернуться всех охотников, включая меня. И если я сделал это инстинктивно, остальные явно понимали, что происходит.

— Хозяин, надо сильно ехать, — тут же заявил Охто, разворачивая лошадку.

— А бык? — не понял я.

— Бык теперь не наш, бык теперь — хозяина.

— Не понял. — Я действительно не понял. Несмотря на ломаную речь, хтар всегда изъяснялся довольно вразумительно, так что последнее высказывание настораживало. К счастью, мои затруднения были понятны Курату.

— Господин, этого быка захотел себе «хозяин степи», то есть волк, — спокойно объяснил новонареченный казак.

— Мы что, с волком не справимся?

— С этим точно нет, — терпеливо, как ребенку, начал рассказывать Курат. — Господин, это не простой волк, а «хозяин», кроме него в степи хищников нет и не может быть. Если, конечно, не считать камышовых котов, но те хозяевам не конкуренты и добыча у них разная. Охотиться на волков в степи может только самоубийца, и если уж «хозяева» выбрали себе жертву, то не отдадут. Хорошо, хоть предупреждают сначала. Они вообще не нападают без предупреждения.

— В смысле? — удивился я, но все же повернул Черныша следом за хтаром, потому что Курат определенно начал нервничать.

— Не знаю почему, но на людей «хозяева» не нападают. Кроме случаев, когда какой-то идиот кинется на них сам или станет претендовать на добычу. Так что, господин, нам лучше оставить быка волкам.

— Интересно девки пляшут, — пробубнил я себе под нос. — Ладно, оставить так оставить.

Ссориться с местными «хозяевами» было глупо, а вот понаблюдать все же стоило.

Степь в этом районе не была идеально ровной, но и высоких холмов тоже не наблюдалось — просто огромное белое море с легким волнением. Ближайший холм находился

метрах в двухстах от места, где сливавшиеся со снегом серовато-белые фигуры уже окружили упавшего быка.

Еще в столице, перед операцией по изъятию припрятанных денег императора, я осуществил давнюю мечту пирата Эдгара Омара, да и свою собственную. У старшего брата Эдгара была дорогущая подзорная труба. Понимая, что степь — это тоже море, со всеми вытекающими последствиями, средства дальнего наблюдения теряли статус роскоши и переходили в разряд жизненной необходимости. Поход по магазинам закончился в очень дорогой ювелирной лавке, где за цену боевого рыцарского коня мне предложили украшенный позолотой и камнями раскладной оптический инструмент. Подзорная труба выглядела как дамская игрушка. Главный диаметр около пяти сантиметров, длина чуть больше полуметра в раскрытом виде — довольно компактный прибор, дающий где-то семикратное увеличение. Жаба душила с неимоверной силой, но этот бой все же выиграло благоразумие.

Труба со щелчком разложилась, давая мне возможность в подробностях рассмотреть финальную сцену охоты.

По непонятным для меня причинам волки по-прежнему стояли вокруг быка и не нападали. Если я не ошибся в масштабах местного бизона, то покрытые пепельной шкурой хищники ростом были где-то с крупного немецкого дога, но значительно массивнее. Как и обычные волки, они не могли поворачивать голову, а вот профиль имели особенный — больше всего настораживала удивительно лобастая голова, приближавшая «хозяев» к собакам. Особенно выделялся вожак — и полобастее, и размером покрупней. Судя по косвенным признакам, стая состояла из трех самок, четырех голов молодняка непонятной половой принадлежности, матерого вожака и еще одного самца, не многим уступающего статью своему предводителю.

Пока я рассматривал хозяев степи, вокруг быка началось движение. Вожак все это время топтался на месте, чего-то выжидая. А вот молодой самец явно не понимал мотивов старшего товарища. Он даже шагнул вперед, чтобы первым напасть на подранка, и тут вожак сделал явную

ошибку — он не мог позволить ретивому подчиненному первому вцепиться в горло жертвы, поэтому прыгнул вперед, несмотря на предупреждения интуиции.

Тут же стало понятно, почему хтар не дал мне подъехать к умирающему бизону, который, подогнув ноги, лежал на снегу. Громадная туша ринулась вперед, как ракета «земля-земля». Вожак волков хотел свернуть с пути этой махины, но сделал только хуже — бык боднул его в бок и рывком головы отбросил в сторону. Не останавливаясь, бизон понесся в степь, а волчицы дернулись следом, но остановились, понимая, что сейчас решится судьба стаи.

Король умер, да здравствует король!

То, что смена власти произойдет именно сейчас, было очевидно — на пепельной шерсти вожака расплывалось кровавое пятно, а его «заместитель» шел вперед с видом подкрадывающегося к жертве хищника. Вожак попытался встать, но тут же рухнул обратно в перепачканный красным снегом. Его соперник подошел ближе, но вдруг остановился. Представшая перед ним картинка что-то напоминала и молодому волку, и мне — минуту назад точно так же, подогнув под себя конечности и уронив морду в снег, лежал бык.

Случившее с вожаком все же пошло на пользу будущему главе стаи, и он сделал шаг назад. Словно подтверждая его догадку, старый волк резко встал на ноги и показал в оскале длинные клыки. Это оказалось последним доводом — молодой вожак резко развернулся и побежал по следу зубра. Стая, вытянувшись цепочкой, направилась за ним.

Бывший вожак, а теперь умирающий одиночка, простоял еще минуту, а затем, не сгибая лап, рухнул на бок. Похоже, сил у него оставалось только на демонстрацию, и уж точно не на сам бой с полным сил соперником.

Я опустил подзорную трубу, и белый мир тут же заполонил все вокруг, лишь вдалеке виделась сероватая точка в розовом ореоле пятен крови двух вожаков: быка и волка. Через час ветер заметет снегом все следы, как и холодное

тело «хозяина степи», а пока он умирал, одинокий и всеми брошенный. Почему-то мне стало невыносимо грустно.

Решение было спонтанным и чуточку сумасбродным. Я толкнул Черныша коленями, и умный конь, повернув голову, покосился на меня огромным глазом с явным вопросом: «У тебя все в порядке с мозгами?»

Возможно, я все же не решился бы подъехать к волку, но неожиданно услышал голос хтара.

— Правильно, хозяин, воин не должен так умирать.

Волк поскуливал от боли, но как только почувствовал присутствие чужака, тут же замолчал и даже попытался зарычать.

Подходить к зверюге, которая вблизи оказалась еще больше, было как-то боязно, но когда еще удастся рассмотреть хозяина степи с такого расстояния?

— Спокойно, парень, я не собираюсь причинять тебе зла, — сам не понимая почему, заговорил я с бессловесной тварью.

Волк с большим трудом поднял голову и посмотрел на меня. У него были практически человечески глаза, и в них чувствовался разум. Взгляд зверя был наполнен болью и отчаяньем с оттенком страха — матерый хищник не желал умирать такой жалкой смертью. Подобную эмоцию я чувствовал, находясь в теле генерала Сакнара, — тоже отчаянье старого вояки и ненависть к несправедливому миру. Мысль возникла в голове внезапно, как и любая другая безумная идея.

Хотя кто его знает, ведь говорил же Курат, что волки не нападают на людей без причины. Может, идея не так уж и безумна?

— Послушай, хозяин, если я попробую тебя вытащить, обещаешь не нападать на моих людей? — Самым странным было не то, что я разговаривал с животным, а то, что разглядел в его взгляде согласие.

Прочитанная мною мысль в глазах волка была последней — силы оставили его, и тяжелая голова вновь ткнулась в снег.

— Охто, Курат, готовьте волокуши. Мы берем волка с собой!

Реакция подданных была разнообразной — казаки смотрели на своего барона как на умалишенного, а вот хтар кивнул с одобрением.

На обратном пути мы все же наведались к стаду и подстрелили крупную корову. Молодые бычки не рискнули атаковать людей и повели стадо дальше в степь. Хтар в охоте не участвовал, он колдовал возле волка, на скорую руку зашивая рваную рану на боку зверя.

Казаки в мгновение ока разделали хоть и не такую огромную, как у вожака, но тоже немаленькую тушу. Что удивительно, все стрелы, кроме моих, торчали из головы животного — так что именно «благодаря» моему вмешательству шкура оказалась изрядно подпорченной. После этого отряд, превратившийся в санный, точнее, «волокушный» обоз, направился домой.

Этот сладкое слово — ДОМ. Место, где тебя ждут и где ты чувствуешь себя в полной безопасности. Лишь в этом мире, поскитавшись не только по городам, но и по разным телам, я понял ценность подобного места.

В конце зимы усадьба Маран выглядела намного лучше, чем осенью, и я надеялся, что к следующей зиме здесь будет уже приличный городок. За зиму мы даже успели разметить шестиугольник будущего защитного периметра.

Поместье расположилось на невысоком холме у самой реки, которую мы быстро преодолели по толстому льду. Справа в километре от поселения белели верхушки небольшой рощицы, второй массив чахлах деревьев находился чуть дальше, у переправы через достаточно широкий, особенно весной, поток Чумры — что по-хтарски значит «глубокая». Впрочем, для степняка любой ручеек является труднопреодолимой водной преградой.

Явившись сюда впервые в сопровождении Ургена и двух людей мятежного маркиза, я увидел лишь полуразрушенную усадьбу, состоящую из большого бревенчатого дома и четырех сараев, окруженных деревянным частоколом. От былого благополучия в усадьбе остались только

меньше десятка слуг умершей год назад баронской четы и дюжина голов разной живности. Птицу я считать не стал.

Теперь же на снежном горизонте возникло небольшое поместье — двухэтажный бревенчатый дом, окруженный десятком подсобных строений, а также восемью длинными бараками, расположенными по периметру поселения. Обносить все это частоколом было глупо — и без того на дома ушли бревна со старого поместья и все, что можно было взять в рощицах, плюс купленные у соседей. С другой стороны, зимой нападать на нас никто не собирается, а на весну у меня серьезные архитектурные планы без участия древесины.

Как всегда, возвращающихся охотников встретила детвора. Спрятаться от этой оравы было невозможно. Два десятка совсем мелкой ребятни выплеснулись веселым потоком из поселения и едва ли не облепили лошадей «обоза». Казаки со «зверскими» лицами отмахивались от детишек чем-то напоподобие нагаек, а дети хохотали еще больше.

Едва мы остановились возле одного из сараев, появился десяток женщин, тут же сноровисто разобравших груз мяса и утачивших его куда-то в недра этого человеческого муравейника. Действительно муравейника, потому что места было маловато, а вот людей слишком много.

Сейчас в поселении проживали почти четыреста человек — по полсотни жильцов в каждом бараке. Тесно, но, по крайней мере, теперь никто не гоняется за тобой по лесам, и детишки не голодают. Точнее, пока не голодают. Увы, я немного не рассчитал с продуктами.

На обеспечение поселения всем необходимым была потрачена почти половина всех добытых в столице денег — а это ни много ни мало пятьдесят бриллиантовых имперялов.

Впрочем, до реального голода было далеко, а все тревожные разговоры больше основывалась на паранойе Никоры, уже начавшей долбить мне мозг тем, что в амбарах осталось мало зерна. Именно поэтому я увеличил количество охотничьих партий и даже решил съездить на охоту сам.

Виновница продуктового переполоха встречала меня на высоком крыльце главного дома.

— Господин, вы как раз к обеду. Пельмешки вот-вот подспеют, а уха уже готова.

Довольно странные слова в устах местной уроженки, но на самом деле ничего удивительного. После короткого ликбеза по русской кухне местные и поварихи, и остальной народ с восторгом приняли новые для себя идеи макарон, котлет и ухи. Как ни странно, рыбу здесь раньше только запекали на открытом огне, а вот некое подобие пельменей имелось — впрочем, местное блюдо было больше похоже на манты. Для их приготовления кухарки обходились без мясорубки, пользуясь только ножами.

Отобедав и освежившись после долгой охоты в самой настоящей русской баньке, да с веничками, которыми орудовал поднаторевший в этом деле Курат, и нырянием в сугроб, я на несколько минут словно вернулся на Землю. Впрочем, возвращение из воображаемого путешествия меня не особо расстроило. Этот мир потихоньку становился мне родным.

Несмотря на зиму, дел в поместье было много, хотя работой я загружал всех не по хозяйственной необходимости, а скорее для того, чтобы не возникало дрызг, вызванных слишком близким проживанием в тесных и очень дорогостоящих жилищах.

Дома действительно были едва ли не на вес золота: древесина в степи — дорогой товар даже для постройки зданий. Мало того, пришлось ломать стереотипы лесных жителей насчет источника тепла. Возле поместья росли только две небольшие рощицы, которые уже лишились более или менее толстых деревьев и в плане отопления не могли помочь сильно увеличившемуся поселению. Хорошо, что я поинтересовался у местных наличием поблизости залежей каменного угля. Месторождение имелось, причем уголь там залегал неглубоко и был неплохого качества. До моего появления в этих краях месторождение разрабатывали лишь для нужд кузнецов, поэтому я легко выкупил его у соседнего барона за пять золотых.

Подобная дешевизна объяснялась тем, что здесь мало кто умел пользоваться углем для отопления жилища — использовали в основном привезенные дрова, солому, хворост из прибрежных зарослей и, по примеру хтаров, высушенный помет животных. В основном все это жгли либо в полуоткрытых очагах, либо в печах наподобие русских. Зимой же грелись как могли — бок о бок с домашними животными.

Поистине бесценным в такой ситуации стал мой опыт летних каникул у родственников в Бессарабии. Причерноморская степь тоже не изобиловала лесами, и дома там обогревались довольно сложными кирпичными конструкциями с высокой трубой, дававшими сильную воздушную тягу, — ведь без нее каменный уголь гореть не будет, хоть бензином его поливай. По большому счету, это был один длинный дымоход: сначала шла топка, накрытая сверху чугунной плитой для готовки еды, затем горизонтальный, в виде большой лежанки, дымоход, а в финале — высокая вертикальная труба.

Шестнадцать таких конструкций в восьми бараках обогревали всю ораву, причем без помощи не очень ароматной скотины, которая жила там, где ей и положено, — в сараях.

После обеда и бани я по привычке совершил вечерний обход своих владений и начал, как всегда, с мастерских. Их в поместье было четыре: столярная, кожевенная, кирпичная и кузница. Я приложил руку к созданию всех производственных цепочек, но только приложил — ума местным мастерам хватало и без моего жалкого прогрессорства.

Ну скажите, откуда менеджеру по продажам набраться технических знаний? Только из школьных воспоминаний, телевизионных программ и книг про попаданцев. Да, именно из них, и я бы даже попробовал заняться металлургией, если бы писатели-фантасты понимали в этом деле хоть немного больше меня — полного профана.

И все же я привнес в этот мир кое-что из новинок — к примеру, стрелочный станок, являвшийся жутким гибри-

дом токарного со швейной машинкой. Также я «придумал» штамповочный молот.

Весь цыганский табор бывших лесовиков появился в поместье Маран в начале зимы, и на первых порах было тяжело. Уже начались заморозки, а места в имеющихся помещениях было очень мало. Беременные женщины и дети заполнили весь господский дом, а остальные штабелями ютились в сараях. Недели за две мы общими усилиями построили бараки — благо рабочих рук было хоть отбавляй, — и я наконец-то смог нормально выспаться.

Сейчас, несмотря на тесноту, в поселке появился намек на спокойный быт. Практически вся работа по хозяйству, за исключением совсем уж тяжелой, легла на женщин. В мастерских хозяйничали старики и дети, а все мужское население готовилось к весеннему приходу степняков.

Столярная мастерская встретила меня запахом дерева, треском раскалываемых поленьев и стрекотом стрелочных станков. Со стороны эти самые станки выглядели чудовищно, но, несмотря на это, работали. Длинная и толстая заготовка закреплялась между двумя вращающимися зажимами с помощью колышков. Один из зажимов через вал и ременную передачу сообщался с большим колесом. Это колесо приводилось в движение по принципу старинной швейной машинки, только роль педали играли своеобразные качели, на которых восседали два мальчугана лет десяти. Новизна этого занятия уже давно прошла, но все равно такую работу пацаны воспринимали как развлечение.

Седой как лунь мастер водил специальным ножом по горизонтальной плоскости станка, стараясь, чтобы острие равномерно шло вдоль вращающейся заготовки. Чуть больше минуты — и древко для тяжелой стрелы готово. Конечно, КПД станка был чудовищно низким из-за отсутствия даже намека на подшипники.

Дальше готовое древко шло к другому мастеру, такому же седому и морщинистому, который закреплял на одном конце древка оперение. Затем еще одна смена рук — и стрела увенчивалась острым наконечником. Вначале все это делал один человек, но я внес в процесс зачатки кон-

вейерной сборки. Сам не ожидал, но производительность увеличилась.

Специалистов по оперению и «вооружению» стрел в помещении было три пары, так что заготовки особо не скапливались.

В другом конце сарая работали мастера по производству луков. Мои попытки влезть в процесс создания длинных луков были пресечены с первого же захода — единственное, что удалось сделать, это свести вместе Охто и лучного мастера, а дальше они все решали сами. Так что длинные луки лесовиков все же немного видоизменились.

С мастерами вообще получилась отдельная история — вместе с посыльным я отправил к лесному маркизу Савату Кардею список необходимых мне мастеров и предупреждение, что в случае нарушения этого условия отправлю всех переселенцев обратно. Условия местный Робин Гуд выполнил, но свинью все же подсунул — все мастера оказались древними стариками. Впрочем, дареному коню в зубы не смотрят, сгодились и они, а мои угрозы изначально были блефом — я не стал бы выгонять беженцев, даже если бы там были только дети и калеки.

На выходе из помещения я больше для проформы заглянул в каморку заготовщиков, часть которых подготавливала буковые древки, костяные пластины и жилы для луков, другая часть раскалывала высокие сосновые чурбаки на заготовки для стрел. Все делалось очень аккуратно, потому что сырье было «импортным» и попало к нам аж из лесов севера империи.

Дальше по программе была кузня — квадратный сарай, из которого торчали две высокие трубы. Вместо привычного перезвона молотов оттуда доносились редкие и размеренные удары чего-то тяжелого. Мои губы невольно растянулись в самодовольной улыбке. Если идея по стрелочному станку вызвала у стариканов снисходительное одобрение, то штамповочный молот надолго ввел их в ступор.

Открывшаяся дверь дохнула на меня теплом и гарью. После яркого солнца и морозного воздуха я моментально

закашлялся, но через секунду выровнял дыхание и нашел взглядом, можно сказать, свое главное детище. В этот момент огромная балясина как раз поднималась к потолку по двум жестко закрепленным на широкой наковальне металлическим стержням. В наковальне виднелось формовочное углубление в виде трех последовательно расположенных наконечников для стрел. На балясине подвижного молота имелись аналогичные выемки.

Сидящий возле наковальни старик взял щипцами короткую пластину разогретого до белого цвета металла и положил на форму. Сразу после этого балясина рухнула вниз, ударяясь о наковальню.

Через секунду все началось сначала — балясина поползла вверх, а сидящий с другой стороны от наковальни старик ловко выковырял скрепленные между собой тонким слоем металла три почти готовых наконечника и бросил их в чан с водой. Между наковальней и горном сидел еще один дедок, контролировавший температуру заготовок. Железные пластины заготовок обошлись мне дороже, чем простые слитки, но намного дешевле готовых наконечников, так что кузня принесла серьезную экономию.

Молот приводился в движение системой блоков и похожей на журавля конструкцией. На конце длинного плеча рычага имелась веревка, за которую всю конструкцию тянула основная рабочая сила кузницы. Шесть парней постарше поочередно цеплялись за веревку, своим весом увлекая рычаг вниз, а подвижную часть штамповочного «станка» вверх.

Защитники прав детей обвинят меня в использовании детского труда, технари оболъют презрением «молот» и спросят: почему я проигнорировал водяное колесо или ветряк?

Что ж, первым я отвечу: попробуйте чем-то отвлечь детей от опасных шалостей, когда родители постоянно работают. А вторые пусть сами попробуют в мире с таким уровнем цивилизации создать ветряк или водяную мельницу. Я пробовал и даже не хочу вспоминать этих жалких потуг.

Что же касается детей и всяких защитников их прав, скажу одно — детство не нужно защищать, его нужно делать интересным, увлекательным и ярким. А это возможно лишь тогда, когда маленький человек живет полной жизнью, а не существует за ширмой запретов и фальшивой заботы. К тому же постоянное упоминание о слишком больших правах, наравне с полным умалчиванием обязанностей и ответственности, порождает монстров. «Творения» подобного подхода в силу простой детской обиды способны разрушать своим враньем жизнь учителям, сталкивать друзей в глубокие колодцы и с крыш домов, ради смеха взрывать петарды под ногами беременных женщин и поджигать всякую живность, чтобы просто посмеяться. Детям нужно уделять внимание и дарить заботу, а не защищать их права.

Впрочем, это мое личное мнение, возможно насквозь неправильное.

В данном же случае ребячьи постоянно сменяла друг друга, чтобы не скучать, а на «переменах» играла на свежем воздухе. В будущем я займусь школой и правильным детским досугом, но для этого сначала нужно было пережить первую весну — пережить в прямом смысле этого слова.

В кузне помимо мастеров и ребятни сидели еще три человека — двое зубилами отделяли наконечники от лишнего металла, а третий занимался заточкой на точиле с ножным приводом.

За день мастерская выдавала до четырех сотен наконечников, так что столяры за ними не поспевали. Впрочем, когда предложение превышало спрос, кузнецы меняли штамп и делали пластины для доспехов или наконечники для копий.

Третьего «производственного комплекса» я решил не инспектировать, так же как и все предыдущие разы до этого. И дело было не только в том, что стоящий на отшибе сарай издавал неприятнейшие «ароматы», — еще этот запах был свидетельством моей глупости и недалковидности. Осенью я закупил у хтаров полторы сотни лошадей для стрелков и казацкой дружины, а вот заготовить кормов не

успел. Кормить лошадей зерном мне не давали Никора и собственный здравый смысл, так что пришлось пустить под нож целый табун. До сих пор как вспомню, так готов разорвать себя на куски. Но это я оттого, что привык к исключительному положению лошадей в нашем мире, а здесь кони являются простым источником мяса, как у нас бычки или козы. И все равно было муторно, а в глазах Черныша до сих пор чудились обвинительные нотки.

А вот Охто был рад такому исходу — прагматичный хтар утверждал, что взятый оптом табун обошелся намного дешевле, чем мясо и шкуры в отдельности. И это при всей его нежности к лошадям и другой живности. Городскому человеку не понять странного сочетания любви к животному и спокойного отношения к убийству бывшего любимца, которые уживаются в тех, кто близок к природе. Весной глаза сельского человека с умилением смотрят на очаровательного птенца, уютно устроившегося в ладони хозяина, а осенью та же ладонь сожмет рукоять ножа, и никакие воспоминания не сумеют помешать заготовке мяса.

Тому, кто ужаснется такой черствости, хочу напомнить список ингредиентов, из которых состоит такая вкусная и такая ароматная колбаса.

Да, еще хочу сообщить бюстителям всевозможных прав: детей к кожевенной мастерской не подпускали. Увы, феминисток обрадовать не смогу — там работали в основном женщины и, как ни странно, относились к этому совершенно спокойно.

В кирпичной мастерской пока мне делать было нечего — мастера едва ли не поштучно сушили и обжигали кирпичи для печей, а также готовили к лету инструмент для большой работы. Задуманный мной городок будет не только кирпичным, но и крытым черепицей.

Под конец дня я наведалься в лошадиное царство Охто, находившееся у главного дома в спаренном сарае-конюшне. В самой конюшне хтара не нашлось, но, пройдя между рядами стойл с полусотней оставшихся в моем табуне лошадей, я добрался до сенника, где старик как раз менял

волку повязку. Серый «хозяин степи» лежал на боку, и лишь отрывистое дыхание говорило о том, что он еще жив.

— Как он?

— Рог в легкое, жить будет, но много бегать — уже нет, — вздохнул хтар, который обращался с волком как с ребенком.

Кстати о детях — из разных углов сенника поблескивали десятки восхищенных глаз. Самые маленькие всегда крутились возле Охто. Ну хоть убейте, я никогда не признаю уход за лошадьми неподобающим занятием для ребенка. Конечно же таскать навоз их никто не заставлял.

— Охто, что здесь делает ребятня? А если он очнется? — с сомнением посмотрел я на довольно хлипкую деревянную клетку, в которой хтар делал перевязку раненому зверю.

— Хозяин никогда не нападет на ребенка.

— А тебе откуда это знать?

— Старики говорят, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал хтар.

— А твои старики часто общались с этими зверюгами?

— Нет, — мотнул головой хтар.

— Так с чего ты взял, что это правда?

— Старики говорят, — с тем же выражением повторил Охто.

Похоже, этот довод имел для него железобетонную крепость, так что спорить было бесполезно.

Несмотря на уверенность степняка, я все же шикнул на ребятню. Они выскочили через отдельный выход из сенника и пушистыми комочками покатались по снегу двора.

— Ладно, старик, когда волк очнется, сообщи мне.

— Хорошо, хозяин, — покладисто поклонился хтар, не вставая из-за малых размеров клетки, и вновь повернулся к своему пациенту.

Отношения со стариком складывались довольно странные — если все поселенцы обращались ко мне на «вы» и почтительно называли господином, то хтар величал меня «хозяином», но при этом тыкал и разговаривал крайне фамильярно. И это было отнюдь не плохое знание имперского языка, а проявление его отношения к моей персоне.

Впрочем, меня подобные нюансы не беспокоили, как и поддобиострашие остальных подданных.

До смерти старого барона возле усадьбы находилась деревня жителей на сто, в основном живших в землянках и некоем подобии степных юрт. Торговля со степняками, собственный табун и налоги с этой «деревеньки» позволяли барону держать двадцать бойцов, которые в перерывах между обороной усадьбы от налетов хтарских разбойников работали пастухами.

Сначала лечение единственного сына «сожрало» табун, затем барон с супругой заболели и умерли. Как результат — воины-пастухи разошлись по другим хозяевам, а оставшаяся без защиты деревенька перекочевала всем составом на земли соседнего барона.

Оставив хтара с волком, я вернулся в главный дом. Приземистый бревенчатый монстр, встретивший меня по прибытии в поместье, канул в лету, предварительно позволив нам пересидеть осенний приход степняков. Братья у нас тогда было нечего, и они не особо старались. Зимой, во время перестройки, основная часть бревен дома и частокочла ушла на бараки и сараи, а из остального умелые плотники-лесовики выстроили аккуратный двухэтажный теремок. Внизу располагалась кухня и жилье для прислуги, а на втором этаже — мой кабинет, туалетная комната и спальня. Все это отапливалось теми же угольными печами.

Ужин прошел в кухне за большим столом, где обычно собирались все мои «приближенные»: Курат, Никора, находившийся сейчас в рейде Мороф и Урген, которого здесь знали как Руга из Забадара.

Курат уже сидел за столом, двигая бородой в ожидании кормежки, а Никора помогала Уфиле и смешливой Дирате накрывать на стол.

Когда все уже полезли ложками в местный вариант борща, появился Урген. Вот уже полгода как профессор буквально преобразился. Не знаю, что за блажь влезла ему в голову, но мои рассказы о казаках, как донских, так и днепровских, что-то провернули в профессорской голове, и вся наша компания имела сомнительное удовольствие

наблюдать этакого запорожца, только в засушенном варианте. Черный «оселедец» и такие же усы смотрелись на носатой физиономии более чем колоритно, но стоит отметить, что замаскировался Урген славно — никто в здравом уме не заподозрит в этом сорокалетнем «козацюре» по имени Руг задерганного и робкого ученого из имперского университета. Да и фигура Ургена тоже немного изменилась — здоровая пища, физические занятия на морозном воздухе и «постельные войны» давали о себе знать. Да, именно постельные войны — как это ни дико, но наш профессор влюбился в Никору. Вдова местного воина-пастуха была дамой крупной, горячей и очень резкой. Недельной свежести синяк под глазом профессора подтверждал градус темперамента этой женщины.

— Во здравие будет всем вам пища, — по местной традиции пожелал Урген-Руг, присаживаясь за стол.

— Благодарение святым, — невнятно прогудела компания, но если я и Никора тут же принялись есть, то Курат продолжил свое обращение к профессору:

— Руг, ты почему не явился на утреннюю тренировку?

— Так вы ж на охоту уезжали, — вздохнул профессор, уткнувшись своим длинным носом практически в тарелку.

— Ага, так, значит, кроме меня и барона в поместье больше не осталось достойных соперников? Хорошо, так Вырову и передам.

Профессор грустно вздохнул, хотя сам виноват. Среди молодых казаков мои рассказы о живущих в далекой стране вольных людях, которые в знак своей свободы носят чуб, тоже нашли отклик, и больше половины из них обзавелись «оселедцами». Я не стал уточнять, что подобная прическа не была придумана запорожцами, а практиковалась еще варягами, — такие исторические нюансы могли только запутать. Все бы ничего, но Курат, который, кстати, головы так пока и не побрил, объявил профессору, что чуб еще заслужить надо, а также поставил условие — либо тот начинает тренироваться с другими казаками, либо сбривает незаслуженную «растительность». Вот теперь профессор и мучается. Спрашивается, зачем? Ответ прост

и тривиален — ищите женщину. Ну, нравился дородной Никоре Руг-Урген в образе запорожского казака!

Воспоминания вызвали у меня улыбку, которую я постарался спрятать, — ведь обижать профессора совсем не хотелось. За все время моего пребывания в этом мире ученый относился ко мне с пониманием, а в последние месяцы стал едва ли не единственным другом.

Свет привезенных из империи спиртовых ламп освещал большой стол посреди кухни, скрывая в тени кухонные плиты, разделочные столы и развешенную по стоякам посуду. Все это в сочетании с избытком на столе и открытыми человеческими лицами создавало уютную атмосферу. Именно из-за нее я отказался от баронского способа вкушать пищу — то есть либо в одиночку, либо в кругу семьи, которой у меня пока не было.

Профессор Руг сел за господский стол спокойно, Курат не стеснялся по причине своего простого воспитания, а вот Никора поначалу отказывалась, но после того как я уточнил, что управительница хозяйства в четыре сотни человеческих душ — должность более чем важная, она все же согласилась. Повариху и девочек-прислужниц к общему застолью приобщить не удалось. И я решил не переводить все в приказную форму, немного напуганный грозным доводом управительницы: «Неча невымытым рылом портить господину аппетит!»

После сытного ужина и небольшого объема разных хозяйственных дел меня ждала небольшая, зато чистая и уютная спальня. Охота на свежем воздухе и хлопотный день вымотали полностью, и я начал засыпать еще за столом, но с путешествием в царство Морфея пришлось поспешить. Дверь тихонько скрипнула, и в темную спальню скользнула Уфила.

Наш роман случился внезапно и довольно необычно, особенно странным было его начало — Никора заметила мой интерес к прибывшей с беженцами девушке, и следующим же вечером я обнаружил Уфилу в своей постели. Сначала хотел закатить скандал и этой «дурехе», и возом-

нившей себя бордель-мадам управительнице, но в результате выслушал короткую лекцию от Никоры:

— Вы, господин, простите, конечно, такой же дурень, как и все мужики. Хотя вам-то, молодому, простительно. Ну, нравится девка, так берите и милуйтесь, а то ходит, понимаешь, и только косится.

— А если она не хочет?

— А вы спрашивали?

— Нет.

— Во-от, — многозначительно подняв палец, протянула притворно нахмурившаяся управительница. — А я не поленилась и спросила. Нравится. Так чего ж хороводы водить. Живите вместе, может, даже ребеночка родите. И вам хорошо, и ей польза будет. А надумаете жениться — так баронесса, коли не дура, только радоваться станет. Так, хватит мне тут голову морочить, идите, а то девка вся небось извелась от страха.

Ну и что ты с этим будешь делать? Не то чтобы я был против, вынужденный целибат утомил до крайности, но все равно как-то непривычно.

Утром меня разбудили деревянный стук за окном и резкие выкрики. Уфилы рядом уже не было. Не знаю, по своей воле или же в соответствии со строгими указаниями Никоры, девушка старалась не обременять меня своим обществом. Если признаться, не могу сказать — радовало меня это или расстраивало. Особой любви я к ней не испытывал, но иногда хотелось чуть больше нежности. Но это все потом, когда придет весна, запоют птички и всякое такое, а пока нужно работать и заниматься.

Так уж сложилось, что и моя собственная душа, и тело Герда Марана были убежденными совами. Поэтому все поползновения Курата по вытаскиванию моей тушки на тренировки ни свет ни заря натыкались на барское и категоричное «нет». Так что, вы думаете, сделал этот гад? Он просто перенес место утренних занятий казаков под окна моей спальни. И теперь вопли тренирующихся казаков вырывали меня из сна не хуже будильника.

Дернув за веревочку, которая вторым концом крепи-

лась к колокольчику в кухне, я вызвал служанок — каюсь, появились у меня барские замашки. Явились обе: и вечно смущающаяся Уфила, и хохотушка Дирата. Зная мои привычки, девушки притащили с собой по ведерку теплой воды. Сотворить здесь нормальный душ так и не удалось, получилось лишь его жалкое подобие. В маленькой комнатке рядом со спальней на высокой деревянной раме была закреплена кадка на два ведра. В днище кадки торчало медное подобие насадки для душа. Наверх этой конструкции вела удобная лесенка, на которую и забралась более шустрая Дирата.

После моей команды девушка вылила в кадку подаваемые подругой ведра. Вот так я и мылся по утрам. Весь процесс проходил за занавеской, и я в очередной раз улыбнулся, слушая приглушенную шумом воды возню: Дирата, как всегда, рвалась потереть господину барону спинку, а моя Уфила всеми силами противодействовала этому верноподданническому порыву.

Рыжую Дирату мне уже приходилось выгонять из спальни, застав под собственным одеялом, но наших отношений это не испортило — девушка обладала на редкость легким и незлобивым характером.

Одевшись для зимней тренировки, я заглянул в небольшое, но очень дорогое зеркало и увидел в нем уже ставшее родным лицо. Ничего особенного — довольно правильные черты, слегка курносый нос, но только слегка, успевшая чуть загореть кожа и серые глаза, которые мне чем-то напоминали глаза теперь уже императрицы Лары. Вот такое вот совпадение. Все это венчала шевелюра темно-русых волос, которую после каждого расчесывания я грозился превратить в оселедец или вообще лысину, но местное население меня явно не поймет — статус не тот.

Что ж, приятная часть утра закончилась, и начались суровые будни. Новая площадка для занятий — или, как ее воспринимали мы с Ругом, «пыточная» — не изобиловала никакими особыми приспособлениями. Не было ни сложных и опасных тренажеров, ни поворотных столбов, ни турников, отсутствовали даже простые мешки с песком.